

А.Брейдак (Даугавпилс)

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ЛАТГАЛЬСКОГО И СЕЛОНСКОГО ПЛЕМЕН ПО ЯЗЫКОВЫМ ДАННЫМ XIII-XIV ВЕКОВ

Для выяснения границы между латгальским и селонскими племенами, с одной стороны, и земгальским племенем, с другой, большое значение имеют топонимы, зафиксированные в письменных памятниках XIII-XIV вв., а также сведения, почерпнутые из современной топонимии и латышских народных песен. Мы выбрали две изофоны (во-первых, рефлекс восточнобалтийских гласных * \bar{e} , * \bar{o} и, во-вторых, рефлекс так называемой первичной позиционной перегласовки восточнобалтийских гласных * e , * \bar{e} в современных латгальско-селонских говорах) и сопоставили эти изофоны с топонимами, зафиксированными в письменных памятниках XIII-XIV вв., а также с данными современной топонимии и латышских народных песен.

В топонимах, зафиксированных в письменных памятниках на латгало-селонской территории, вместо ожидаемой графемы o , которой передавали на письме фонему / uo /, наличествует графема u . Так, в одном документе XIII в. засвидетельствовано название селонского городища *Aszute* (современная латышская литературная форма *Asute*). В Хронике Генриха Латвийского 24 раза упоминается латгало-селонское городище *Kikeņoys* (современная латышская форма *Kiekneze*). В другом документе XIII в. также встречается название этого городища *Kikonois*. Ныне в западной части ареала латгальско-селонских говоров, где в письменных памятниках XIII в. засвидетельствованы топонимы *Aszute* и *Kikeņoys*, *Kikonois*, вместо долгих гласных \bar{i} , \bar{u} , характерных для глубоких латгальско-селонских говоров, уже наличествуют дифтонги *ie*, *uo*. Прежде же в западном ареале латгало-селонских говоров, как

и в восточном, наличествовали долгие гласные \bar{i} , \bar{u} - рефлекс восточнобалтийских долгих гласных * \bar{e} , * \bar{o} . И только позже под влиянием среднелатышских говоров эти долгие гласные были заменены дифтонгами *ie*, *uo*. Об этом убедительно свидетельствует фонетическая аномалия в ареале западных латгальско-селонских говоров - наличие спорадических долгих гласных \bar{i} , \bar{u} вместо ожидаемых дифтонгов *ie*, *uo* в народных песнях и топонимах: например, *siks* (мелкий) вместо *sieks* (четверик), *juds* (еврей) вместо *juods* (бес), *Mukukalns* вместо *Muokukalns*.

Сужение восточнобалтийских долгих гласных * \bar{e} , * \bar{o} в латгальском и селонском племенных языках началось еще до XIII в. Однако не следует думать, что вышеупомянутые восточнобалтийские долгие гласные сразу же были перегласованы в долгие гласные \bar{i} , \bar{u} . Поскольку индоевропейские и балтийские долгие гласные * \bar{i} , * \bar{u} в латгальском сохранялись до 1478 - 1519 гг., до той же поры в латгальском и селонском наличествовали дифтонгоиды * i^e , * u^o - рефлекс восточнобалтийских долгих гласных * \bar{e} , * \bar{o} , и лишь после дифтонгизации старых унаследованных долгих гласных * \bar{i} , * \bar{u} они могли преобразоваться в новые долгие гласные \bar{i} , \bar{u} , ибо в противном случае в указанных племенных языках совпали бы рефлекс восточнобалтийских долгих гласных * \bar{e} , * \bar{i} и * \bar{o} , * \bar{u} . Следовательно, с помощью графемы u в письменных памятниках XIII в. передан не долгий гласный * \bar{u} , а дифтонгоид * u^o селонского племенного языка.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в XIII столетии в латгальском и селонском племенных языках наличествовали дифтонгоиды * i^e , * u^o - рефлекс восточнобалтийских долгих гласных * \bar{e} , * \bar{o} - в противоположность земгальскому племенному языку, в котором наличествовали дифтонги *ie*, *uo* - рефлекс восточнобалтийских долгих гласных * \bar{e} , * \bar{o} . Сравните, например, написание топонимов *Prebalge* (XIII в.) (современная латышская литературная форма *Piebalga* < *Priebalga*) и *Mesothan* (XIII в.) (современная

латышская литературная форма *Mežotne*), в которых графемой *e* передана на письме фонема /ie/ и графемой *o* — фонема /uo/.

В письменных памятниках XIII—XIV вв. засвидетельствованы топонимы на латгало-селонской территории, в которых наличествует графема *a* вместо ожидаемой графемы *e*, например, *Gulbana* (1224 г.) (современная латышская литературная форма *Gulbene*), *Varšone* (1375 г.), *Varšona* (1389 г.) (современная латышская литературная форма *Varzaune*). Эти данные свидетельствуют, что латгало-селонская позиционная перегласовка *e* > *a* и *ē* > *ā* произошла до 1224 г.

Возможно, что кроме вышеуказанных двух изоглосс в XIII—XIV вв. и по другим изоглоссам различались латгальские и селонские племенные языки, с одной стороны, и земгальский племенной язык, с другой.

Латгальские и селонские племена в XIII—XIV вв. населяли территории, которые в настоящее время являются ареалом распространения латгальских и селонских говоров. Западные соседи латгалов и селонов как в Земгале, так и в Видземе были земгалы, населявшие не только центральную часть Земгале, но и центральную часть Видземе. Западная граница территории латгальского и селонского племен в XIII—XIV вв., судя по данным языка, проходила по той же полосе говоров, которая и в наши дни отделяет латгальско-селонские говоры от среднелатышских говоров.

Среднелатышские говоры Видземе генетически являются продолжением земгальского племенного языка. Возможность латгальского суперстрата в этих говорах не только не исключается, но, судя по языковым данным, вполне реальна. В пользу такого предположения говорят: 1) изолексы, которые объединяют только латгальско-селонские и видземские среднелатышские говоры; 2) некоторые общие топонимы, наличествующие как в ареале латгальских говоров, так и в ареале видземских среднелатышских говоров; 3) наличие этнонима *latgali*, *letgali* с

гласными *a*, *e* в первой части слова. По нашему мнению, гласный *e* наличествовал в западнолатгальском варианте этнонима *letgali*; гласный же *a* как результат первичной позиционной перегласовки *e* > *a* (наряду с гласным *o* в некоторых севернолатгальских говорах, чередующимся с западнолатгальским гласным *e*) наличествовал в восточнолатгальском варианте этнонима *latgali*. Варианты указанного этнонима были причиной различного отображения этого этнонима в различных хрониках и названиях латышей в языках соседних народов.

О. Буш (Рига)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМОВ *kurši* и *zemgali*

Существуют две гипотезы о происхождении этнонима латыш. *kurši*, лит. *kuršiai*. К. Буга и Я. Эндзелин считают наиболее вероятной связь с укр. корс 'чишоба, новь', чешск. *krš* 'карликовое дерево', санскр. *kr̥ṣā-ḥ* 'исхудавший' и т.п. Таким образом, первоначально *kurša* означала либо 'неплодородная земля', либо 'заросшая кустарником земля', либо 'новь, целина' (Būga RR III 251; ME II 325). М. Фасмер сопоставляет этноним *kurši* с чешск. *kršů* 'левша', кельтск. *keruos* 'левый' и высказывает предположение, что левый могло означать 'северный' (см. об этом: Būga RR II 235). Кроме того, Л. Кеттунен считает возможным сопоставление ливского *Kurāmō*, эст. *Kuramaa* с ливск., эст. *kuša* 'левый', объясняя это тем, что Курса расположена слева от Даугавы (Kettunen Liv. Wrtb., 167). Й. Казлаускас высказал предположение, что лит. *Kuršas*, латыш. *Kurša* — слова антропонимического (а может быть, и топонимического) происхождения, имеющие корень *kur-* (ср. лит. *kurti*, латыш. *kurt*) и суффикс *-ša-* (Kazlauskas, 1968, 59–63). Обзор этимологий см., например: Kiparsky 1939, 62–64; Kazlauskas 1968, 59–60; Kabelka 1982, 70–71.